

Надеясь на уравнение отъезжающих и возвращающихся

Общая тема - 1995 - 2-й и 3-й номера - 4 Сергей КУЗНЕЦОВ

Егор ЯКОВЛЕВ. Мы с вами давно не виделись. Сколько лет прошло, как вы покинули Россию?

Владимир СПИВАКОВ. Россию я никогда не покидал. Пытаясь определить свое положение, прибегаю к словарю былых времен: нахожусь в длительной командировке. И это действительно так, поскольку вместе с оркестром уже четыре с половиной года испытываю неудобства командировочного быта, беспрестанно нахожусь в движении и переездах.

Е.Я. И все-таки был день, когда вы приняли решение надолго уехать из дома. Чем оно было продиктовано?

В.С. Разочарованием, неверием. После Сумгаита я перестал доверять нашему правительству, в том числе и Михаилу Сергеевичу. Там, в Сумгаите, была пролита первая кровь, которая неминуемо повлекла за собой все остальное, весь ужас межнациональной вражды. Что же касается связей с Россией, то «Виртуозы Москвы» их никогда не утрачивали. Мы только что вернулись из весьма продолжительного турне. Играли в Москве и Петербурге, дали четыре концерта в Днепрпетровске, два — в Тольятти, играли в Самаре. В ноябре нас ждет Средняя Азия, в декабре, как всегда, «Русская зима». Мы решили широко отметить десятилетие чернобыльской трагедии. «Виртуозы Москвы» были одним из тех коллективов, которые через десять дней после случившегося приехали на фестиваль «Киевская весна», чтобы выразить сочувствие и разделить общую горе. Позже на одном из фестивалей в Кальмаре мы провели сбор средств для помощи детским больницам Славутича, Белоруссии, Украины.

Е.Я. Насколько совпали ваши представления о нынешней российской жизни, которые складывались за рубежом, с тем что увидели во время поездки по стране?

В.С. Мне трудно на это ответить. Тот прием, который был оказан оркестру, перевернул все наши представления. Люди аглодировали, обнимали, готовы были нести на руках, скорее всего, на последние деньги покупали цветы. Сцена была завалена цветами. Оставалось место только для оркестра. Все это внушает большие надежды, хочется верить, что сохранилось у людей, не убито в них чувство красоты.

Кроме того, нам дано было убедиться, что образовалась как бы новая формация. Те, кого называют «новыми русскими». Впервые это словосочетание я услышал во Франции и оно звучало шуточно. Но теперь приобрело другое значение. Так часто бывает, например, французское слово «шерами» преобразовалось в России в шаромыжника. Так или иначе, но в Днепрпетровске нас принимал президент банка «Кредит — Днепр» Виктор Михайлович Пинчук. Этот человек сделал подарок городу: билеты на наши концерты, как правило, ничего не стоили. Виктор Михайлович оплатил гастроли оркестра.

Подобное, разумеется, происходит нечасто. И все-таки мне представляется, что у людей, которые сумели утвердиться в рыночной экономике, складывается новое мышление. Когда-то у нас говорили, что строят социализм с человеческим лицом. При этом не было ни того, ни другого. Теперь, пусть не часто, но нам удается встречаться с цивилизованным капитализмом.

Все большее место в нашей жизни занимает, например, благотворительность. Не могу вам не напомнить, что первый благотворительный концерт «Виртуозы Москвы» дали после пожара в «Московских новостях», собирая средства на восстановление здания. Я пришел тогда к вам, в кабинет главного редактора, и спросил: обратили ли вы внимание на то, что ни в одной из наших энциклопедий нет слова «благотворительность». Вы ответили: этого быть не может. Послали кого-то проверить и убедились, что я прав. Теперь, скорее всего, это упущение исправлено...

Е.Я. И все-таки, как прикажете вас понимать? Нынешний оптимизм навеян удачными гастролями, встречами, радующими сердце после долгой разлуки, или же тем, что оправданы надежды, с которыми все мы жили многие годы?

В.С. Видите ли, в августе 91-го, в дни путча, случись тогда рейс «Аэрофлота», оркестр бы в полном составе прибыл в Белый дом. После разгрома мятежников многие мои друзья всю ночь провели на Красной площади, братались, обнимались, это было в чем-то сродни празднику Победы. И мне казалось: августовские события пожат конец тому процессу, который многие годы продолжался в России. Это процесс полного обесценивания человеческой жизни. Однако он длится и по сей день, все больше принимая государственный характер. Я встречаю многих людей, о которых просто-напросто забыли. Меня всегда занимали слова князя

Мышкина, которые впервые для меня прозвучали из уст гениального Смоктуновского, когда я мальчишкой попал в театр Товстоногова. Красота спасет мир! Я понял, что красота прежде всего — это огромное совершенство. Совершенство души. А спасти нас может только отказ от эгоизма. Происходящее в России не внушает надежды, что такое может произойти в ближайшем будущем. Я в это не верю. Особенно теперь, переживая позор из-за войны в Чечне. Ее не может ни принять, ни одобрить ни один порядочный человек. Должен вам сказать, что именно поэтому я не поехал в Кремль получать орден, который мне пожаловали к пятидесятилетию. Не вижу для себя возможным получить награду из рук тех, кто отправляет на смерть наших мальчиков.

В Мадриде наш концерт посетила королева Испании. И впервые на моей памяти нам было сказано, что не следует исполнять перед началом государственного гимна. Королева отказалась от своей обычной ложки и села в зале. Придя на концерт русских артистов, она тем не менее подчеркнула свое отношение к стране, которая развязала трагедию Чечни. В антракте мы беседовали с королевой. А уже поздно вечером она позвонила мне, сказав, что взял Грозный. Я готов был от стыда провалиться сквозь землю.

Е.Я. Вы говорите о цивилизованном капитализме. Но пока рынок и культура, которой вы служите, в общем-то, никак не уживаются друг с другом.

В.С. Я это очень остро чувствую. И прежде всего понимаю, в каком бедственном положении находятся дети. После разрушения великой державы — Советского Союза — местничество и ему подобное стали напоминать о себе подобно ржавчине, которая проступает повсюду. В общем-то, мыслью о детях и было продиктовано создание моего фонда. Меня сподвигла к этому любовь к людям той страны, в которой я родился, вырос и, надеюсь, умру.

Поразительно, но именно в трудной ситуации рождается множество талантов. Так происходит и сейчас в России. Надо, по возможности, помочь в становлении этих талантов. Фонд объединяет многих известных людей, которые стали в этом моими единомышленниками. Уже 7 лет я руковожу одним из лучших музыкальных фестивалей Европы — фестивалем в Кальмаре. По большей части это трибуна молодых. Юноши и девушки получают возможность играть с лучшими оркестрами. Встречаются выдающимися музыкантами, слушают потрясающие концерты. Оказалось очень много тех, кто готов бескорыстно помогать фонду. Немало их, например, среди врачей. Скажем, профессора Сыркин, Вайнберг, Миронов, многие зубные врачи бесплатно обследуют детей, лечат их.

Е.Я. С одной стороны, благородное стремление помочь в становлении юных талантов. А с другой — непрекращающийся отток из России тех, кто уже стал знаменитым.

В.С. К последнему можно подходить по-разному. Представьте себе, если бы Рахманинов, Стравинский, Кандинский, Малевич, Бунин жили бы только в России. Кто-нибудь выиграл бы от этого? Думаю, что нет. Эти люди открыли Западу мир новых идей и постижений. Мне кажется, что вообще надо смотреть на мир без границ. Многие люди его так и ощущают.

Е.Я. Одним словом, отъезды на Запад вас не пугают.

В.С. Нет. Но я хочу, чтобы люди приезжали назад так же, как они уезжают. Многие выдающиеся люди, которые уехали из России, говорят о том, что душа их никогда ее не покидала. И я надеюсь, что со временем появится уравнение и отъезжающих, и возвращающихся.

Е.Я. Возвращение зависит от того, что ждет Россию.

В.С. Сегодня России нужен президент, который проявит наибольшую толерантность, отчетливо понимая, что он лишь промежуточное звено. В России еще не сформировалось то, что должно сформироваться, и не разрушилось то, что должно разрушиться. Мы все находимся в промежуточном периоде, и все наше поколение как бы промежуточное. Не могу не повторить слова Пастернака: мы были музыкой во льду...

Исходя из нынешних реалий, меня привлекает фигура Черномырдина. Важно, чтобы продолжались начатые процессы. Если уж выпустили бегунов на дистанцию, то не следует навешивать им гири на ноги. Черномырдин делать этого, могу предположить, не станет. Разумеется, привлекательна фигура Лужкова. Но он слишком привязан к своему городу, увлечен тем, что делает в Москве. Для меня очень дорого, что Лужков сдержал слово и дал квартиры участникам войны. Лишь одно обещание Юрий Михайлович не выполняет: наш оркестр — «Виртуозы Москвы» — не имеет своего помещения в Москве. А жаль, оркестр мог бы больше участвовать в культурной жизни столицы. Помещение, которое было нам, по сути, дано, забрали под исследовательский центр Бурбулиса. С тех пор тупик — мы бездомны...

Считаю знаменательным, что президентом Франции избран мэр Парижа. Ширак очень много сделал для столицы. Как бы хотелось, чтобы Москва была в таком же положении, как Париж. За месяц до выборов во Франции я встречался с Шираком и сказал, что хотел бы видеть его президентом. Он удивился и спросил: почему именно я, русский артист, говорю об этом. Я подтвердил, что говорю именно как русский артист. Во-первых, поскольку знаю, что Ширак в восемнадцать лет пытался перевести Пушкина. А во-вторых, он обещал один процент государственного бюджета отдать на развитие искусства и культуры. Это очень большие деньги. Трудно даже представить себе, что можно было бы сделать на такие средства у нас в России.